

Николай Алексеевич Некрасов

В Сардинии

Николай Некрасов
В Сардинии

«Public Domain»

1842

Некрасов Н. А.

В Сардинии / Н. А. Некрасов — «Public Domain», 1842

«Доп Нуньез де лос Варрадос был одним из знаменитейших грандов испанских. Род его начался едва ли не вместе с первым человеком, явившимся в мире. Если б вы могли представить себе во весь рост его родословное дерево, то увидели бы нечто необыкновенное, нечто повыше Чимборазо и Давалагири; по крайней мере так думал сам старый гранд и утверждали его приближенные...»

Содержание

I. Дед и внук	5
II. Брат и сестра	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Николай Алексеевич Некрасов

В Сардинии

I. Дед и внук

Доп Нуньез де лос Варрадос был одним из знаменитейших грандов испанских. Род его начался едва ли не вместе с первым человеком, явившимся в мире. Если б вы могли представить себе во весь рост его родословное дерево, то увидели бы нечто необыкновенное, нечто повыше Чимборазо и Давалагири; по крайней мере так думал сам старый гранд и утверждали его приближенные. Испанская гордость, к сожалению, вошла в пословицу, а потому совестно было бы распространяться о ней. Дону Нуньезу было уже восемьдесят лет. У него не было детей, и все надежды его на продолжение знаменитого рода основывались на сыне его покойного племянника, молодом внуке, доне Сорильо. Любимым коньком старика были воспоминания о славных предках, из числа которых многие играли важные роли в судьбе Испании. И когда он говорил о них, лицо его разгоралось, глаза сверкали, седая голова тряслась от слабости, но речи были сильны и полны юношеского увлечения. В них было так много вдохновения, так много торжественности, что слушавший их невольно почтительно наклонял голову пред лицом истинного аристократа, который в роде своем сотнями насчитывал графов, грандов и даже герцогов. В свое время сам Нуньез играл немаловажную роль. Еще отец дона де лос Варрадоса переехал в Сардинию и поселился в Турине; дон Нуньез, по смерти отца сделавшись его наследником, остался также в Турине, и таким образом фамилия Варрадосов утвердилась постоянно в Сардинии. Дом его, гранитный, в четыре этажа, со множеством железных балконов, был украшен фамильными гербами и почитался одним из лучших в городе. Тихо и однообразно текли дни старика в отрадных воспоминаниях, в заботливых попечениях о внуке, с которым неразлучно было связано всё дорогое его сердцу, всё, что составляло предмет его гордости и заветных надежд. Старый гранд хранил его как зеницу ока, лелеял, как любовницу; он дышал только им, любил его, как славнейшего из своих предков, дорожил им, как всеми предками вместе. Была еще у него внучка донья Инезилья, сестра дона Сорильо, но на нее он обращал гораздо менее внимания.

— Род мой, — говорил старик, — должен непременно поддерживаться в мужской линии, как поддерживался доньине, иначе древность его будет хвастливой ложью, от которой да спасет святая дева всякого честного гражданина, но только потомка Варрадосов! — И глаза старого гранда с любовью останавливались на доне Сорильо, как будто говоря ему: в тебе надеюсь не умереть я! Ты должен с честью поддержать славный род наш!

— Я всё еще не могу приискать тебе приличной партии, — сказал однажды старый гранд своему внуку. — Вчера я советовался с королем. Он обещал назначить невесту и быть на твоей свадьбе. Надеюсь, королю сардинскому не стыдно быть на свадьбе у Варрадоса!

— Зачем торопиться, — отвечал дон Сорильо в смущении, — я еще слишком молод. Прежде надо устроить участь сестры... И я знаю жениха...

— Как, ты знаешь человека, который может быть ее мужем! — перебил гранд, пораженный его словами. — Кто ж он такой? Да, может быть, когда ты путешествовал... герцог... принц крови...

— Нет, он здешний придворный...

— Сумасшедший! — воскликнул гранд вскакивая. — И ты думаешь, что кто-нибудь из них достоин ее руки! Где он, где? Укажи мне его...

— Дон Фернандо де Гиверос молод, богат, в милости у короля...

Старый гранд захохотал. Голова его судорожно закачалась; глаза запылали гневом и презрением.

– Ты глупец, Сорильо! – закричал он, дрожа всем телом. – Ты сам не знаешь, что говоришь! Ты не понимаешь своего высокого назначения, не уважаешь наследственной славы нашего дома, которая дорого стоила мне и предкам моим! Ты недостойн носить имя Варрадоса... Ты не гранд, Сорильо! ты плебей, ты сын плебея, который не помнит своего отца!

– Я внук Варрадоса! – гордо воскликнул молодой человек. – И если кто осмелится... – Сорильо схватился за шпагу. Глаза старого гранда заблистали радостью... Старик бросился к нему на шею...

– Как! – воскликнул он. – Ты хочешь обнажить оружие против – меня...

– Против всякого, кто осмелится сомневаться в моем происхождении!

– Я опять узнаю в тебе потомка Варрадосов! В тебе их кровь, в тебе душа того славного предка, который своими руками задушил родного брата, когда он хотел опозорить род наш! Обнажай шпагу, Сорильо, обнажай прочив всякого, кто скажет, кто только подумает, что ты не потомок Варрадосов!

Старик в восторге обнимал внука; в полубезумной речи его было что-то решительное и торжественное. Казалось, он не замедлил бы произнести приговор самому себе, если б поступил вопреки своим правилам...

– Дедушка! – сказал растроганный внук. – Пусть я один буду жертвою вашего честолюбия. Но пощадите сестру: она его любит!

– *Diavolo!* – воскликнул гранд, снова разгневанный. – Ложь! Она не может влюбиться в человека, который недостойн руки ее!

– Дон Фернандо может насчитать несколько предков, с которыми не стыдно стать рядом вашим, дедушка... Род его продолжается с лишком двести лет...

– Двести лет! А наш... Ты не знаешь, Сорильо, ты не знаешь, сколько веков существует род наш... На что тебе знать! Ты не дорожишь славой Варрадосов! Поди от меня, поди! Я не хочу тебя видеть, не хочу говорить с тобой... Не приходи ко мне, пока не исправишься.

– Если я уйду, дедушка, то уже не возвращусь, – твердо отвечал внук.

– Ты пугаешь меня, Сорильо. Ты хочешь играть мною... Да простит тебя Сант-Яго!

– Я говорю, что думаю, и исполню, что говорю.

– Ты уйдешь, ты будешь ждать моей смерти... А если я лишу тебя наследства, оставлю без куска хлеба, объявлю тебя самозванцем... Всё это я могу сделать, Сорильо...

– Я буду называться тогда просто – Сорильо и стану жить честным трудом, но не приду к вам, дедушка...

Старый гранд, с видимым наслаждением слушавший решительные ответы внука, снова обнял его.

– Любовь к правде, железная, беспощадная, твердость в слове, не знающая пределов, – отличительные свойства нашего рода, и они есть в тебе, достойный преемник мой. Прости меня, прости! Я капризен, брюзглив, взыскателен; старость, старость! Она то же помешательство! Прости, друг мой!

Сорильо с чувством пожал руку доброму старику, который так быстро переходил от гнева к радости, от сомненья к уверенности именно потому, что беспрдельно любил своего внука и каждую минуту за него боялся. Теперь он плакал и извинялся; мир, казалось, был заключен на прочном основании...

– Твердость в слове! – произнес Сорильо, желавший, по-видимому, воспользоваться удобной минутой. – Вы уважаете твердость в слове; стало быть, я не должен отказываться от мнения, что дон Фернандо достоин быть мужем доньи Инезильи...

– Да, – отвечал гранд после долгого молчания, – но он никогда не будет им.

– В таком случае я женюсь на первой девушке, которая мне понравится...

– Женишься!

И старый гранд рассердился в третий раз сильнее прежнего. Он задрожал, топнул ногою и упал в кресло.

– Так ли думали, – ворчал он про себя, заливаясь слезами, – твои дети, о Алонзо де Варрадос, одержавший тридцать побед над неверными! Таков ли был ты, о Инфантадо, положивший голову за одно слово правды, которого ты не хотел утаить! Таковы ли были все вы, знаменитые предки мои! Мне позор! Мне проклятие и бесчестный титул последнего в роде! *Peccador de mi! Vala me Dios!*¹

– Бог видит, – сказал внук, тронутый горестью старика, – я не хотел оскорбить вас, дедушка. Я никогда не шел наперекор вам. Только страдания сестры, которая вянет от любви...

– Замолчи! – сердито перебил старый гранд, вскочив и топнув ногою. – Я лишился сына, теперь ты хочешь отнять у меня дочь!

В ту минуту дверь отворилась и в комнату вошла молодая женщина. Она была прекрасна, стройна и величественна, но лицо ее было бледно и задумчиво; во всех чертах ее, и в особенности в черных, выразительных глазах, проглядывало затаенное страдание; поступь ее была легка и правильна; взгляд горд и спокоен. Старый гранд быстро подскочил к ней при самом ее появлении и закричал безумным голосом:

– Он лжет... не правда ли... он лжет! Ты не влюблена в него... ты не хочешь выйти за него замуж?

– Что вы говорите? – спросила кротко девушка.

– Сестра, – сказал дон Сорильо, – дедушка спрашивает тебя, точно ли ты любишь дону Фернандо де Гивероса и хочешь ли выйти за него замуж?

– Дедушка! – отвечала донья Инезилья спокойно и твердо. – Я точно люблю Фернандо, но, если вы думаете, что он недостойн моей руки, никогда не буду его женою!

– Вот, – закричал обрадованный гранд, обнимая внучку, – вот как должны думать и действовать потомки Варрадосов!

– Смотри, сестра, – сказал брат с некоторою надменностью, – достанет ли у тебя твердости сдержать свой обет, которым ты навсегда отказываешься от счастья!

– Бог поможет мне! – смиренно отвечала сестра, подняв кверху глаза, полные тихой грусти...

– Дедушка, – сказал тогда Сорильо старому гранду, – если сестра моя так великодушно решила пожертвовать своим счастьем вашему, то я не противоречу. Я также буду следовать ее примеру...

Мир был заключен. Нуньез де лос Варрадос попеременно обнимал детей и плакал от радости. Страх не оставить достойных наследников своего знаменитого имени часто делал его недоверчивым, подозрительным и даже доводил до малодушного отчаяния. Зато когда сомнения рассеивались, он был в восторге.

– Так, так! – говорил он, обнимая внука. – Ты с честью поддержишь славное имя, которое носишь. И я не умру в тебе... и мои предки будут еще долго на устах благодарных потомков... Только надо поскорей устроить судьбу твою... я могу умереть... я должен себя успокоить... завтра же поеду к королю и поговорю о твоей свадьбе...

Сорильо тяжело вздохнул.

Донья Инезилья пришла в свои комнаты. Слезы хлынули из глаз ее; она закрыла руками лицо и долго сидела неподвижная, безмолвная; по временам только вылетали из груди ее болезненные вздохи и глухие стенания. Через час она встала, отерла слезы, гордо взглянула кругом, и лицо ее сделалось совершенно спокойно.

¹ О, я грешник! Помоги мне, боже! (исп. искаж.).

– Донья, – сказала хорошенькая камеристка Ханэта, раздевая свою госпожу, – дон Фернандо хочет убить себя, если вы не назначите ему свидания... И он сдержит слово. Он вас так любит! Грех ляжет на вашу душу...

– Воля божия! – отвечала она.

– Он сказал, что придет завтра к вашему балкону... Я его просила, чтоб он погодил убивать себя... Может быть, вы согласитесь...

– Никогда, никогда!

– А я почти обещала... Что теперь будет? Он придет... и он убьет себя под вашими окошками... Спасите его! согласитесь хоть из долга христианского!

– Никогда! – повторила Инезилья решительно и поспешила спрятать личико свое под покрывало, потому что на глаза ее набежали слезы...

II. Брат и сестра

Воздух дышит упоительным благовонием роскошных деревьев, отягченных дарами южного неба; алоэ, элоандра, гиацинты, нарциссы, маргал-хул (род тюльпанов) – всё цветет, всё радуется взору и нежит обоняние. Чинары, тополи, алгорробы, дубы и вязы бросают из ароматных садов стройную тень свою на гранитные стены домов, на улицы, покрытые полумраком наступающего вечера... И вот наступил он, чудный, очаровательный вечер! Солнце скрылось; показалась луна... И какая луна! Не наша северная луна, сонливая, бледная, круглолицая, которая так ленива, так однообразна, так мертва и на небе и в поэтических описаниях... Нет, живая, видимо движущаяся луна, гордая, как гранды испанские, пылкая, живая, страстная, увлекательная, как девы страны, так роскошно освещаемой ею... Чудная страна!

По одной из туринских улиц шла молодая девушка. Широкая баскиня, которую надевают испанские и сардинские женщины, выходя на улицу, скрывала ее стройную талию; в лице и походке ее не было величественной важности, но оно было миловидно и привлекательно. Вообще в ней скорее можно было признать камеристку знатной дамы, чем знатную даму. Навстречу ей шел мужчина высокого роста, в простой куртке, или, правильнее, фуфайке, из грубого голубого сукна, в огромной желтой шляпе с букетом.

– Ханэта! – закричал он, увидев молодую девушку. – Долго ли ты будешь мучить меня, Ханэта! Долго ли я буду встречаться с тобою только на улице! Ты не любишь меня, ты хочешь шутить мною... Смотри, Ханэта!

– Фиорелло! – робко проговорила молодая девушка. – Ты мучишь меня своею любовью... Ты пугаешь меня своею ревностью! Мы не можем быть счастливы... Чем мы будем жить?.. Достал ли ты хоть тысячу вельонов на нашу свадьбу?..

– Нет! Наша ловля идет очень плохо!

– Видно, я скорей тебя достану их, Фиорелло!

– Ты упрекаешь меня! Хорошо, я брошу свой честный промысел. Завтра в Турине явится новый герильо.² Он будет ужасен, Ханэта... От него будет страшно показаться на улице!

– Избави бог! – вскричала испуганная девушка. – Нет, нет, Фиорелло... Тогда уж нам никогда невозможно будет соединиться!

– Ты боишься... Я не убью тебя... Но клянусь св. Фабризио, моим патроном... я убью твоего любовника... Скажи ему... скажи...

– Разве ты убьешь самого себя, Фиорелло?

– Не себя, а того, кто заступил мое место в твоём сердце, Ханэта!

– Ты жесток... Ты не стоишь любви моей...

– Но чем же ты докажешь ее? Чем?.. Завтра я приду к твоему балкону... Ханэта... в последний раз...пусти меня...пусти.

Голос рыбака был грозен и решителен. Ханэта дрожала.

– Хорошо... может быть... если я подам знак, – отвечала она трепещущим голосом. – Но ради всего святого, Фиорелло, будь осторожнее!

– Помни же, я приду завтра! – сказал рыбак и скорыми шагами отошел от смущенной своей любовницы. Она пошла домой, грустная, растерзанная, и уже была близко жилища знаменитого гранда Нуньеза де лос Варрадоса, как вдруг кто-то схватил ее за плечо... Она оглянулась: перед ней стоял мужчина среднего роста, закутанный в широкий плащ.

– Что? – спросил он быстро. – Что сказала она?

– Она запретила мне даже говорить об вас... Нет никакой надежды!

² То же, что бандит.

– Я не увижу ее, не увижу! – отчаянно вскричал мужчина. – Нет, я должен увидеть ее... Ханэта! вот золото... смотри... здесь много... я дам еще больше... Завтра ночью я приду к балкону... ты бросишь мне веревочную лестницу... Да?

Ханэта молчала, но глаза ее жадно впились в кошелек, полный золотом. «Половины его было бы достаточно для нашего счастья!» – думала она, тяжело вздыхая...

– Бери, бери! – нетерпеливо кричал мужчина...

– Страшно, грешно! – тихо проговорила она, и опять замолчала, и опять устремила глаза на кошелек, как будто желая счесть, за сколько придется ей продать госпожу свою...

– Страшно, грешно?.. ложь, выдумка! Она меня любит... Мне стоит только увидеть ее, чтоб победить ее решимость... Не страшно, не грешно, Ханэта!

«Она, точно, любит его!» – подумала камеристка, лицо ее прояснилось. Она взяла деньги и сказала:

– Завтра!

– Завтра! – радостно повторил мужчина, и они разошлись.

Фиорелло между тем по темным улицам пробирался в свое жилище. На краю города стояло несколько каменных четверугольных изб, очень некрасивой наружности, с пирамидальными верхушками, которые заменяли трубы. Там помещался беднейший класс туринского народонаселения; большая часть жителей предместий состояла из рыбаков, к которым принадлежал и наш знакомец. Он наконец пришел в свою улицу. В ней было пусто, темно и тихо; только в окне его дома светился огонь. «Она меня найдет!» – проговорил Фиорелло и ускорил шаги; через минуту он уже стучался в дверь своего жилища. Свет, который проглядывал сквозь щель полуразрушенной двери, мгновенно исчез; внутри комнаты слышались суетливые движения.

– Отворяй, сестра! – закричал пораженный рыбак, но дверь не отпиралась. В ту же минуту с наружной стороны дома раздался резкий стук, как будто что-то упало с крыши, как будто кто-то выскочил из окна... Фиорелло бросился на улицу. Зорким глазом осмотрелся он кругом, но никого уже не было...

– Кто он? – грозно закричал рыбак, войдя в дверь, которая была уже отворена...

Вопрос относился к девушке, которая стояла посреди комнаты, как приговоренная к смерти, сложив на груди руки, потупив глаза... Она была очаровательна. Белая рубашечка ее, вышитая на рукавах и воротнике золотыми узорами, сжималась алым корсажем, который живописно обрисовывал ее талию; голубая юбочка спереди закрывалась белым передником; грубая обувь еще лучше оттеняла ее миниатюрные ножки; с головы ее тянулись две пряди черных, блестящих кудрей и, падая на пышную полуоткрытую грудь, дразнили воображение самым бесчеловечным образом... Но прочь земные мысли, прочь грешные описания! теперь она была хороша, как падший ангел, проклиная минуту своего падения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.